

АЛЕКСАНДР НЕВЗОРОВ:

Моск. правда. - 1995. - 9 сент. - с. 5.

ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМОМ

— Александр Глебович, расскажите, пожалуйста, как вы воспитывались, в каком духе?

— Да вы знаете, я вообще ни в каком духе не воспитывался. Рос я без отца. Да и не могу сказать, чтобы матушка тоже занималась моим воспитанием. В какой-то степени воспитателем своим я считаю (хотя он тоже на это немного времени, прямо скажем, на это тратил) своего деда **Георгия Владимировича Невзорова** — человека, который героически дрался с 1946 по 1953 год в Литве против банд так называемых "лесных братьев". И если говорить о духовно-психологическом воспитании, то больше всего своего внес, конечно, дедушка. Никто меня не трогал, был я предоставлен самому себе и рос, как трава. В школе я учился плохо, подчеркнуто плохо. Во-первых, потому, что мне было по большей части неинтересно происходящее. Я, например, не испытывал никакого интереса к математике, физике, химии. И могу вам сказать совершенно честно, ничего из того, чему меня пытались научить, вот уже, слава Богу, почти 25 лет, мне в жизни ни разу не пригодилось. Так что, значит, я был прав, сознательно не допуская всю эту чушь, которой меня пичкали. То есть это не чушь, если человек решил заниматься математикой, пусть учит математику. Но я-то какое имею к ней отношение?

Ну, ребенком я был сложным. В комсомол меня не принимали. И даже, более того, в шестом классе выгнали из пионеров.

— А вы просились?

— Нет, не просился. Я ведь не скрываю, что я категорически не коммунистических убеждений человек. Почему я сейчас выступаю в союзе с коммунистами во многих ситуациях — во-первых, потому что выяснилось, что они не только не хуже, но и гораздо лучше всей этой сволочи, которая пришла сегодня; во-вторых, я, честно говоря, не очень понимаю, чего же нам всем не хватало. У нас была русская империя, поскольку каждый второй секретарь обкома в любой республике был русский, у нас был русский государственный язык. Называлась эта империя по-другому, называлась она СССР. Слова эти тоже стали дорогими и родными, особенно после того, как они стали мараться и пачкаться. Я не знаю, можно ли это называть словом патриотизм, потому что это всего-навсего нормальный взгляд на вещи. Оказалось, что у меня гораздо больше точек соприкосновения с коммунистами, чем с теми, кто их, скажем так, изгнал из страны и полностью лишил их власти. Они способны были держать русскую империю. И выходит, что воевали мы со всей этой коммунистической машиной за то, чтобы предоставить слово пятидесяти подонкам, чтобы позволить им занять посты и начать грабить так, как коммунистам и не снилось. А о детстве... Что же еще можно сказать о детстве?

— Какие у вас были увлечения?

— Да вы знаете, я где-то лет с четырех начал читать книжки. Это интересно было. Книжки достались мне от деда, который хотя и был большим эмгэбэшным начальником (МГБ — Министерство государственной безопасности), но любил книги и серьезно к ним относился. При этом он совершенно, категорически не был "интеллигентным" человеком, не подходил под оп-

ределение "интеллигентия". Он, пожалуй, первый человек, который мне к этому термину внушил отвращение. Потом это отвращение во мне усугубил **Лев Николаевич Гумилев**, великий русский ученый.

— Александр Глебович, в какой области вы академик?

— Академик я в области телевидения. А что, не академик, что ли? Я вообще, честно говоря, не очень разбирался. Меня привезли в Москву, посадили на какой-то ученый совет, заставили говорить речь, выдали какое-то удостоверение, еще чего-то. Ну ладно, говорю, академик так академик. Это, правда, не очень вяжется с моим хулиганским поведением. В принципе я согласен. Это сделано было от чистого сердца.

— Вы можете назвать себя русским националистом?

— Нет. Нет, категорически не могу.

— Судя по количеству информации о вас, вы не очень охотно рассказываете о каких-то своих биографических данных, о своем жизненном пути.

— У меня особенного-то жизненного пути и не было. У меня была довольно скучная жизнь, я бы сказал, и предельно ба-

нальная. Был я грузчиком, был я каскадером довольно долго, был я телевизионным сценаристом, был я... то есть есть я репортер. До этого еще где-то работал: в музее Пушкина, работал санитаром в приемном покое больницы... Много было всякого. Лошадей каких-то заезжал в совхозе...

— ?

— Серьезно говорю. Ну, заездка — это не значит заезжал насмерть. Существует такой термин: заездка диких лошадей под седло. Где-то хранится договор. Голов сорок в одном из совхозов Ленинградской области я заездил под седло диких казахских лошадей породы джабэ.

— Александр Глебович, у вас есть какие-то неприятные воспоминания в жизни?

— Нет, честно говоря.

— А особо приятные?

— Особо приятными воспоминаниями с прессой я бы делиться не стал.

— А вы не могли бы рассказать о своей первой любви?

— Могу сказать, что это было ужасно. Если вас интересуют подробности, я, конечно, постараюсь их вспомнить, но... Для меня, честно говоря, все эти разговоры "про любовь" не очень приятны. Первые баб я, может быть, могу вспомнить. При большом желании. Хотя, честно говоря, надо будет сильно напрягаться. А что касается первой любви... Я даже в школе в какую-то такую сильно романтическую пору юности считал, что относиться к этому надо просто и здраво.

— Александр Глебович, как вы думаете, как вы умрете?

— Я в общем и сам был бы не прочь это знать. Я только знаю одно: как бы я ни умираю, я умру достойно. Вне зависимости от того, что будет причиной смерти: тяжелая болезнь, пуля, веревка, вода, высота...

— Вы не боитесь смерти?

— Ну как сказать? Я не буду разбегаться и изо всех сил биться головой в сейф, чтобы скончаться здесь только по причине собственно большой храбрости. Но вы знаете, я настолько несентиментальный человек, настолько не делающий из этой странной жизни чего-то важного для себя и вообще не гипонитизирующий этим словом... Люди, с которыми я был в Приднестровье — батальон "Днестр" — совершенно проклинали меня, потому что там много было ситуаций... Проще, наверное, будет охарактеризовать ситуацию, которая была в Санкт-Петербурге. Мы ездили всей бригадой на съемки, как-то подъезжаем — горит автомобиль. И от автомобиля бежит какой-то несчастный мужичонка, который кричит: "Мать вашу!.. Там канистра с бензином, сейчас все взлетит!" Я туда рванул и закричал: "Ребята, сюда! А то взорвется без нас!"

Лучше всего, конечно, погибнуть в бою — в бою за Родину, в бою с этой сволочью, которая Родину мою сейчас оккупировала. Но есть некоторые опасения, что удастся и бескровно их выгнать. Так что я боюсь, что эта моя мечта не сбывается.

Евгения МУРАВЛЕВА,
Дмитрий ЧУРАКОВ, "Бумбараш".